

MARGARITA NADEL-CZERWIŃSKA

Uniwersytet Śląski w Katowicach
Wydział Filologiczny

Мышь в фольклорной традиции восточных славян

42 мыши, 44 гроша, тихий Тихон и хозяйка кошек... Многие знают русскую скороговорку: «Шли сорок мышей, несли сорок грошей, а две мыши поплоче несли по два гроша». Видимая бессмыслица, составленная на первый взгляд для обучения ребят «чистому говорению», имеет – как и все в фольклоре – глубокий скрытый смысл, не доступный не посвященному («профану»), т.е. не достигшему определенного уровня инициации, либо принадлежащему другому роду, для которого данное сакральное знание остается закрытым или наполнено несколько иным смыслом.

Та же самая скороговорка, произнесенная с вопросительной интонацией, превращается уже в загадку, а загадка в традиции всегда имеет свое *ритуальное место* и обязательно *несколько отгадок*, таких разных и непохожих – с точки зрения непосвященного в тайны родового сакрального знания. Разных потому, что все в мире – каждое явление, предмет, свойство, поступок, понятие – могут быть традиционно описаны или названы разными словами, словосочетаниями, иносказательно и опосредованно: таков семантический язык любого фольклора¹.

¹ См. М. Надель-Червиньска: *Семантические оппозиции 'серый' / 'бурый', 'белый' / 'черный' и их отношение к 'пёструму' ('кот' и 'мышь' в фольклоре восточных и западных славян)*. “Studia Universitatis Babeş-Bolyai”. Kluj-Napoka. “Philologia no 1/2009. Red. S. MIRIANGIU, s. 7–13; «Кот» и «мыши» украинской и русской песни («корильной» и «потешной»). W: *Konfrontacja języków słowiańskich na poziomie leksyki, słowotwórstwa i składni*. Red. P. CZERWIŃSKI. Współpraca M. BOREK. Katowice 2001, s. 65–72; *Парадигмы народного календаря в материале русской паремииологии*. W: *Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка*. Red. N.P. ISAЕW, E.W. ISAЕWA, T. MIEDZIŃSKI. Warszawa 2001, s. 283–288; *Парадигматика традиционных смыслов русской паремииологии*. W: *Słowotwórstwo, seman-*

Однако это не есть «поэтическая образность народного языка», как мы много лет привыкли считать, – во всяком случае, в прямом смысле этого выражения. Потому, что взгляд древнего славянина на окружающий его мир не поэтичен, а конкретен, рационален, практичен. И в то же время мифологизирован: его окружали персонификации природных явлений, стихий, ландшафтных особенностей. Он наделял духовным разумом животных и птиц, деревья и цветы, тучи и камни. Будучи наивным, наш предок просто не представлял себе, что все это множественное разнообразие природы может ощущать себя не так, как он сам ощущает себя, переживать не те же чувства, эмоции, смотреть на мир не такими, как он, глазами, не обладать, как он, опытом, разумом, волей.

Сегодня, для нас, – это поэзия; тогда, для него, – это была повседневная реальность: огромный мир вокруг, населенный таинственными духами, божествами, душами, тенями умерших предков. И огромный мир, каким он тогда представлялся, для него повторялся – в совокупности своей и в деталях – в большом и малом (макрокосм вселенной и макрокосм человеческого тела), в общем и частном (дремучий лес и лес на голове; лесные звери и нательные насекомые, звезды в небе и рыбы в озере). Поэтому, описывая 'луну', человек описывал и 'прорубь (во льду)', и 'отражение в воде' (деньгу на дне; колодец, полный чистой воды, ладонь с водицей – напиться; девушку, готовую к встрече жениха; и др.)

Именно по той же причине у каждой поговорки есть несколько уровней значений – от внешнего, который лежит на поверхности и понятен каждому, до глубинного и тайного (сакрального), доступного лишь посвященному. То, что видит в поговорке малый ребенок (и мы сегодня – утратившие живую связь с древней народной традицией и мифологическим самоощущением), не то, что увидит в ней, к примеру, девочка-семилетка, или иницируемый подросток (знающий о мире больше и дитяти, и девочки). А юноши и девушки поймут в ней гораздо больше: как ловко и к месту перекидывались они поговорками и загадками на посиделках, на коллективных работах (сенокосе, пожне, на току или помочах, толоке)!

И те же поговорки или загадки в устах людей зрелых, опытных, а тем более стариков, обретают двусмысленность, иносказательность, нередко даже фривольность. Каждое традиционное высказывание оказывается мудрым, многозначным, предполагающим и глубокое раздумье и философское (мифологическое!) осмысление, понимание. Одной и той же загадке разгадки бывают разные. Одна – если детвора проверяет друг друга,

tyka i składania języków słowiańskich. T. 1. Red. M. Włocharski, H. Fontański. Katowice 1999, s. 194–202; *К реконструкции традиционного календаря европейцев. Сопоставительный анализ семантики метазнаков и категориальных представлений времени в фольклоре германцев и восточных славян*. W: *Wschód – Zachód. Słowianie i Niemcy. Kultura – język – dydaktyka*. Red. W. Lejczyk. Słupsk 1998, s. 17–20.

кто больше знает об окружающем мире, кого чему научили старики, старшие ребята, родители. Другая – если перед подростками, только-только вступившими на путь инициации, приоткрылась завеса над тайнами рода и пола, отношениями между зрелыми людьми, над социальной иерархией и силами одухотворенной мифами природы. Третья – если испытывают жениха и его поезжан на пути к дому невесты (их силу, ловкость, догадливость, мужскую сноровку и опытность): каждый хочет знать, хорош ли жених, каждый ставит на его пути преграды, задачи и загадки. Но и невесте от родных жениха достается не меньше!

Вот, 'сорок мышей' да 'две мыши (поплоше)' из детской скороговорки-головаломки. 'Мышь' в сказке, запросто разбивающая хвостом неподатливое рукам 'деда' и 'бабы' 'золотое яичко' начала творения сущего, мира человека, с его *жизнью* и *смертью*, есть 'тихая', т.е. естественная, современная и закономерная, 'смерть человеческая'. А это 'мертвое родовое' (своего рода) и *вереница* обычных смертей, которыми неизбежно (в срок) завершаются человеческие жизни.

В фольклорной традиции 'сорок' есть знак 'полноты' (даже счет на Руси вели «сороками»), нечто завершенное и исчерпанное. 'Сорок' – это 'жизнь человеческая' (полная – зрелости и исчерпанная – до дна, до самой смерти, точка которой уже маячит невдалеке). Предвестницей смерти считают 'сороку' (или 'собаку', что является реализацией того же традиционного смысла: связь с мертвым родовым, вестница смерти и проводник умершего на тот свет).

Поэтому на одном уровне понимания сакрального текста пословицы-скороговорки, таящей в себе загадку (меняется в речи лишь функциональное употребление: то первое, то второе, то третье), '40 мышей' будут пониматься как 'мертвое своего рода': 40 умерших (ср.: сорок мучеников, сорок колобов золотых, сорок куполов во граде, сорок сороков), или 40 поколений умерших. А на другом уровне? Каждая 'смерть' завершает чью-либо 'жизнь', а 'жизнь' (человека, природы, мира наконец) есть 'год' (один, круглый, полный и завершенный). Значит, '40 мышей' есть '40 лет', а '40 лет' есть 'жизнь человеческая' и 'зрелость человека (в жизни)'. Тем самым человек проживает каждый 'год' как целую жизнь и за '40 лет' им прожито (пережито) '40 жизней'; и каждый 'год' завершается 'смертью (года и очередной человеческой жизни, или цикла человеческой жизни)': 40 мышей – 40 смертей одного человека, сорок жизненных циклов, которые он пережил на своем пути – пока достиг зрелости своей и приблизился к смерти своей, стал у ее порога...

Что же за 'грош' несет каждая из 'сорока мышей'?

'Грош', 'монетка', 'деньга', 'золотой', 'копеечка' и т.п., т.е. 'богатство', 'деньги', 'наследство', а иногда 'клад', 'дар', значимы в любой традиции как 'родовое сакральное', 'мужская (продуктивная) сила рода', которая хра-

няется у 'мертвых своего рода' и передается ими по наследству, от родителей к детям – поровну или непоровну распределяясь между потомками в каждом поколении. Возможно, сила эта распределяется и между 'годами = жизнями одного человека также равномерно? Во всяком случае, каждая из наших 'сорока мышей' несет по одному 'грошу'.

Надо сказать здесь, что, по мифологическим представлениям наших предков, 'сила жизни' выдается человеку как бы взаймы – на его жизнь: умирая, он возвращается к своим родовым истокам, к мертвым своего рода (откуда, собственно, и пришел в мир живых, народившись на свет), и возвращает мертвым своего рода данную ему взаймы 'силу жизни' (сакральное знание и продуктивную мужскую силу, которыми пользовался по своему разумению, в жизни).

Прямо скажем, у нашего мифологического предшественника все было не его, все бралось им – на целую жизнь – взаймы. А по смерти возвращалось, отдавалось мифическим «заимодавцам»: земля (прах, тело, плоть) – земле, дух – (воз)духу (душа – вдохнувшему ее божеству; а поскольку древние имели не одну душу, а несколько, то и отлетали эти души *постепенно* – с умиранием человека, на разные расстояния и в разные места, или сферы мифического мира). Так было и у славян: например, последний 'вздох' доставался подземному старику и хозяину преисподней 'Оху' (возможно «ах!», «ух!», «эх!», «их!» и проч. – реликтовые останки восточнославянского «многодушия»?).

Но в нашей загадочной скороговорке есть еще «две мыши *поплоше*», которым отводится специальная роль (в жизни человека): «нести по два гроша»...

'Поплоше' значит – в чем-то не полноценные 'мыши = годы (человеческой жизни)'. Можно предположить одно из двух: либо они, эти «мыши», есть 'годы старости', отделяющие *зрелого* человека, жизнь которого *завершена*, от 'своевременной смерти'; либо одна «мышь» есть 'мышь = год жизни во чреве матери', а вторая – 'мышь = год старости', отделяющий человека от 'смерти'. Тогда «два гроша», или некая двойная «заряженность» магической (креативной родовой) силой, вполне оправдана: в первом случае суммируется, как бы, сила матери и дитя, во втором – сила старика и сила мертвых рода, с которыми он, старик, по мифологическим представлениям, уже слился, хотя и не воссоединился пока на 'том свете': ибо 'старое' и 'мертвое' традиционно одно и то же, 'стар = мертв'. Культ стариков у славян и есть культ «дедов», т.е. 'мертвого родового'.

Для рассматриваемого нами сакрального текста скороговорки (пословицы и загадки – в зависимости от функционального места в том или ином обряде) значимы и следующие традиционные смыслы 'чисел': 40 + 2, или 42, есть «трижды по четырнадцать», т.е. 'детство', 'отрочество' и 'зрелость' человека, или 'три поры = времени человеческой жизни', соотносимые

с 'весной', 'летом' и 'осенью', при трехчастном делении 'круглого года' (жизни природы): $40 + 4$, или 'сорок четыре', есть, с одной стороны, завершенность «пространства жизни» (число 'восемь', которое в сумме дают составляющие '44': $4 + 4$), и стремление к законченности «жизни на этом свете», к совершенству в «мудрости смерти», к возврату к своему 'нечеловеческому началу' (божественному или тотемному; все это семантически заключено в стремлении к числу 'девять', или '45': $4 + 5$, или: $8 + 1$, последний шаг к 'смерти' и 'новой жизни (в смерти)').

Итак, скороговорка про «мышей» моделирует, как видим, сакральные отношения человеческих *жизни* и *смерти*, в философском и мифологическом единстве представлений о бренности бытия и совершенстве завершенности (кое дает лишь 'покой в смерти', в котором зарождается 'будущая жизнь', не давая роду человеческому прерваться или иссякнуть).

В традиционном осмыслении метазнака 'мышь' (смерть человеческая – своевременная и предначертанная, а также мертвое человеческое – родовое и благожелательное к живым, тихое и нестрашное) заключаются его семантические функции в фольклоре (пословицах и загадках, песнях и играх, сказках и обрядах).

Так, 'мышь' связана с 'крупам' и 'зерном' (закромами, амбарами, зимними запасами; богатством – много хлеба, или нищетой – нет хлеба). 'Зерно' (пшеница, рожь, просо и проч.) имеют тот же традиционный смысл, что и 'деньги' (богатство, изобилие): это – 'родовое продуктивное', 'мужская сила рода (мужское семя)', делающая род отмеченным, т.е. сильным, множественным, непобедимым и непрерывным, неиссякаемым. 'Крупа' есть 'запасы этой силы', хранимые 'мертвыми своего рода'.

Но, поскольку 'мышь' – это еще и 'смерть родового' (человеческая), то ей свойственно 'поедать запасы (крупы, зерно)'. Она любит «погрызть» или «прогрызть» 'сыр', значимый в традиции как '(незрелый, сырой еще) материал творения', т.е. материал сотворения новой жизни. Т.к. такие свойства его как 'сырость' (незрелость) и 'мокрота' (избыток влажности) соотносят 'сыр' с 'женским' (утробным и материнским), то, очевидно, 'поедание сыра' есть уничтожение утробного плода, или 'смерть еще не родившегося на свет', зародыша человеческого. Так же, как 'поедание (мышью, мышами) зерна в амбаре' есть 'потрава мужского семени', т.е. причинение вреда потомству рода.

Впрочем, если «изгрызенный сыр» или «потрава зерна, хлеба в амбаре» традиционно воспринимается как несчастье, беда, разор хозяйству и дому, то «мышка, грызущая сухую корочку (хлеба)» вызывает чуть ли не умиление: эту картинку покажут ребенку; мышке специально оставят возле норки сухую корку (для мышат), крошки от еды. С одной стороны, это, конечно же, элемент традиционного 'кормления мертвого родового' и 'задабривание мертвого (и смерти)', чтобы не было беды живым. С другой

же, 'мышь, грызущая корку (сухую)' семантически значима как 'мертвое, поедающее мертвое', т.к. 'сухая корка (хлеба)' есть 'родовое старое, мертвое' и 'мертвое тело', оболочка, из которой отлетела душа и в которой иссякла жизненная сила.

Ср.: 'хлеба', 'хлеб' и 'хлебы, выпекаемые в печи', есть символ 'продуктивности' и 'продолжения рода'; 'печь, выпекающая хлебы' = 'женское живородящее' (мотивы свадьбы); 'хлеб, преломляемый или нарезаемый за столом старшим мужчиной рода' = 'распределение жизненной силы рода'; 'замесить, поставить квашню (тесто на хлеб)' есть эротическая и сексуальная символика, поскольку действие это связано с представлениями об акте сотворения жизни и сущего, и в первую очередь – с актом сотворения человека.

Соответственно, если *домовая мышь* есть 'мертвое своего рода', то *полевая мышь* есть 'мертвое несвоего рода': именно она делает непоправимую поправу крестьянскому хлебу, зерну, т.е. поедает на корню зерно не своего рода, или уносит его в свою норку, делая себе на зиму запасы из чужого хлеба. Мышь любит устраивать свое гнездо в сене, а 'сено' значимо как 'женское мертвое (своего рода)', и тем самым 'мышь' соотнесена с 'мертвым женским' (а не мужским: соломой). Поэтому в сказке 'мышка' участвует в инициировании девушки (выполняющей задания и уроки в доме *бабы-яги*): помогает девушке мудрым советом, учит, как убежать от *яги* (тотемного первопредка по женской линии, или первой смерти своего рода), делает вид (чтобы обмануть ягу), что прядет (вместо девушки; стучит хвостиком об пол – потому что *мышь* прясть не может, это функции *кикиморы*, к примеру; мышь же только *перегрызает нить*, т.е. нить жизни человеческой).

Но иногда 'мышь' помогает и юноше (как мертвое женское его материнского рода) – в добывании невесты: проникает в запертые хоромы, достает кольцо (значимое как женское = девическое, для мужского; изначально вагинальная символика), разыскивает или собирает зерно, поедает гору хлеба за одну ночь, и прочее. Для полноты представления о семантическом поле метазнака 'мышь' и его функциональных возможных связей в традиции целесообразно рассматривать его в контексте общеевропейского фонда фольклоров, т.к. 'тихое' (мертвое, незаметное, предельно сакральное, тайное) упоминается нечасто, иносказательно, неявно.

Например, 'мышь' часто встречается в текстах русского заговора и активно участвует в магических действиях славянина, где проявляет, прежде всего, свою связь с железом (землей, мертвым и смертью), *железным дубом* (осью и временем смерти), *железным зубом* (ср.: железный зуб яги, которым она перегрызает деревья, на которых пытается спрятаться Ивасик-Телесик; это *зуб* или *коса смерти*) и *зубами костяными* (или костями, мертвым человеческим), *зубной болью* (дает ее и забирает?) и т.д., и т.п.

И ребенку наказывают *быть тихим*, чтобы «мышка не услышала (его)», т.е. чтобы 'тихая смерть' не прибрала ненароком дитяти. Очевидно, в представлении народном, *мышь* связана с той 'болезнью', что человека «загрызает», «сгрызает», «точит» (как мышь стену, пол – незаметно и тихо, ночами, пока не сгрызет, не прогрызет совсем); ср.: «болезнь все нутро изъела, живого места не оставила, или не осталось».

С 'мышью' связаны такие традиционные 'знаки смерти', как 'тишь', 'тишина', 'молчание', 'безмолвие' (минутное, произвольное или вынужденное, и вечное – покоя смерти). Вспомним христианизированное поверье о «пролетевшем тихом ангеле» (если в комнате, среди говоривших, наступило вдруг внезапное молчанье): первоначально, в язычестве, это почувствовалось 'присутствие чьей-то смерти' (из здесь сидящих, находящихся; примета, близкая отсутствию у одного из сидящих за столом тени – к близкой его смерти) или же 'кто-то только что умер (недалеко)' (и душа его пролетела мимо собравшихся).

Следует уяснить также мифологический смысл действия «грызть»: «мышка корку грызет» и «собака кость грызет, мосол». Первая – тихо, вторая громко; мышке «досталось» или сама «взяла», собаке «дали», от хозяйского стола, это излишки или остатки человеческой 'еды'. У мыши же еда не человеческая, 'еда смерти и мертвого'. «Конь грызет удила»: 'грызть' как активное 'проявление силы мертвого' (или – силы смерти; так же, как вращение, кручение, стук). «Боль, болезнь грызет», и «тоска, печаль, скорбь грызет», и «мачиха грызет (пасынка, падчерицу)» – пока не сгрызет, со свету не сживет, в могилу не загонит. Ср.: «мачиха» в народе называется одна из «лихорадок, дочерей Иродовых». Связь 'мыши' и 'мачихи' требует более пристального анализа.

Поскольку *мышь* как *мертвое родовое* и форма *смерти человеческого* в традиции есть метазнак сакральный, который – из-за запрета помянуть недоброе, опасное, страшное – чаще обходится молчанием, или упоминается крайне редко (доброжелательно и, на всякий случай, умильно), то и в народном календаре мы находим о мыши немного:

- 1) На Трифона, 1 февраля, заговаривают мышей. (Трифон имеет магическую власть над мышами?)
- 2) На Трифона звездисто – поздняя весна. (Звезды значимы как семя жизни, хранимое мертвыми, живое в мертвом. Значит ли это, что если много звезд на небе, то мертвое настолько сильно, что весне придется подождать? Кстати, 2 февраля, на Сретение, когда зима – поедающее мертвое, т.к. 'сухая корка (хлеба)' есть 'родовое старое, мертвое' и 'мертвое тело', оболочка, из которой отлетела душа и в которой иссякла жизненная сила.)

Как видим, Трифон проявляет себя как нечто агрессивное по отношению к 'тихой человеческой смерти', властное над 'мертвым человеческим',

от него же зависит, когда прорасти, или пойти в рост, 'семени человеческого' (= звездам небесным).

3) На Тимофея, 10 июня, к голодному году бывают знаменья.

Знаменья на *голодный год* часто бывают связаны с *мышами*:

Мышь одолевает перед голодным годом.

Мыши развозились, или мыши пищат – к голоду.

Мышь одолевает перед голодом; мыши из дому выбираются – перед пожаром. (т.е. всё огонь приберет – подчистую).

Есть и другие приметы, связанные с *мышью*, от которой зависит *хлеб* (урожай на него и цены):

Если мыши нагрызут хлеб сверху, то дорог будет; снизу, дешев; а сбоку, средняя цена. (Это о том хлебе, что на столе лежит. Но есть приметы и о том, что в поле колосится...)

Коли полевая мышь вьет гнездо высоко (в хлебе на корню), то цены на хлеб будут высокие; когда вплоть у земли, низкие. (Примета пермская; значит ли это, что в первом случае хлеба мало уродится, а во втором – много?)

Если мыши во льну гнездо совьют, то в зиму большие снега будут. (С одной стороны, хорошо – быть урожайному будущему году; а с другой – большие заносы, живым тяжело: быть смертям в пути, соьются, заплутают, занесет сугробом, замерзнут.)

Значит ли это, что найти мышиное гнездо – к нехорошему, к смерти? Не поэтому ли его выливают водой да разоряют мальчишки, и запрета на это нет?

Ср.: Если мышь попадет за пазуху, то быть большой беде. (Несчастью, смерти – в семье, или собственной.)

Мыши изгрызут одежду – плохая примета: к смерти хозяина платья. (Платье, одежда – как тело человека, вместилище души его и жизни.)

А также о зубной боли:

Если мыши поедят неубранные остатки ужина, будут у хозяина болеть зубы.

Но это не об остатках еды, которые специально оставляются после ритуальной трапезы в честь умерших предков – на столе и на полу, или выставляются за окно, для мертвых, приходящих к живым (и званных живыми на ритуальную трапезу): если будет съедено это – той же мышью – то это будет к добру и расценивается как принятая мертвыми поминальная жертва.

И, на первый взгляд, противоположная примета:

Есть (то), что мышь нагрызла, зубы окрепнут.

(Однако здесь не противоположные, а разные значения: одно дело мышь доедает за человеком, мертвое – за живым, а другое – человек за мышью, живой – за мертвым. В первом случае 'мертвое' поедает с объедками силы, здоровье и жизнь человека, во втором – человек приобретает, приобщившись к пище мертвого, свойства мертвого – крепкие зубы, железные.)

Ср. также: если собака доедает за больным, то наоборот – она «съедает его болезнь» и больной выздоравливает; то же, когда собака зализывает рану. Интересно также будет рассмотреть и другой аспект «Тимофеева дня» (10 июня): *Тимофеем* называют *котов*, а сокращенное имя от Тимофей будет *Тимоша* и *Тиша* (второе – и от *Тихона*). Имя, дающее такие качества, как 'тихость' и 'вкрадчивость', однако 'Тимофей' семантически близок в традиции 'коту' (котофею), а 'Тихон' – 'мышам'.

Ср. также: «timoфеевская трава» и «тимьян» обладают магическими и лечебными свойствами. В календаре ощутима некая, трудно уловимая, связь между «мышинными» днями и солнцеворотом. С последним прямо связан лишь 'Тихонов день':

4) На св. Тихона солнце идет тише.

(На Тихона) Конец поздних яровых посевов.

(Ср.: 'ярь', 'яровое' как проявление 'ярой силы жизни'; 'ярь' также – грибы, традиционный символ мужской силы и ее проявлений: растут как грибы – после дождя; фаллическое, стимулируемое женским.)

На Тихона (10 июня) певчие птицы затихают (соловей до Петрова дня).

(Певчие птицы значимы в традиции как души умерших.)

(На Тихона) Толока (помочь) на навозницу. (Запдн.)

(Тихон) Вози на пар.

Связь с 'навозницей' и 'петровками' подтверждает соотносительность 'Тихонова дня' с культом умерших предков. Мотив 'смерти = мыши' в контексте этих обрядов требует внимания и разработки. Очевидно одно: связь мыши и сена, поскольку у нее должно быть (в поле, например) «сухое гнездышко», «усланное сеном». 'Сухое' – потому что 'мышь' есть 'женское мертвое' (и если женское традиционно *мокрое*, то *старое* (мертвое) женское будет *сухим*): «мокрая мышь» равнозначна «мокрой курице», а «мокрое сено» все равно что «навоз» (мотив 'навозницы'?).

И, как всегда в фольклоре, очередное семантическое соответствие – в данном случае 'мокрая мышь' = 'мокрая курица' – тянет за собой новые мифологические связи, дополняя одно другим. *Курица* есть традиционная *жертва-заместитель* (изначально *человеческой жертвы*), причем жертва, посвященная прежде всего божествам подземного мира, мира мертвых и самим мертвым (первопредку-тотему, первой смерти рода, мертвым своего рода – дедам, божеству смерти). Но 'мышку' также всегда «ловят», «съедают», «когтят» (цепкие кошачьи лапы, или хитроумные мышеловки).

Специальности «мышелова» и «крысолова» оваяны в народных поверьях и страхом тайны и неким уважением (хотя представитель этой специальности всегда изгой и знахарь, как, например, кузнец, мельник), но не презирана, как работа «кошкодера», вынужденного извиняться перед каждой убиенной кошкой – мол, не я тебя бью, а твоя хозяйка, *хозяйка кошек*, убивает!.

Изначально «мышелов» (в том числе и *кот*) семантически близок, либо прямо тождественен «змеелову», т.к. *мыши*, также как и *змеи*, народом относятся к 'гадам' (нечистым, паскудным, гадостным). Наверное и *кошка* нечиста потому, что «ест мышей (гадов)». А через это нечист и «кошкодер». В то же время мотив 'борьба с гадом' есть мотив 'змееборства', восходящий, с одной стороны, к мифу о убиении 'огненного змия' (*Хорса* – пожирателя солнца), о победе над ним некоей персонификации 'ярого солнца' (*медведя*, побеждающего *пса-волка*, *Хорса*, св. Георгия, или Егория, победоносца, *Ярила*, *Спас ярое-око*, иконы Спасителя с карательным взглядом).

Вот в какой семантический ряд попадает мифический 'кот' (*Тимофей*) славянской и европейской традиции. (Достаточно припомнить французского *Кота-в-сапогах*, победителя *великана-людоеда* – на миг обратившегося (по глупости) в *тихую мышку*).

Но тот же «Кот-победоносец», или 'смерть нечеловеческая', царящая над 'человеческими смертями' (*мышами*), может оказаться в одном ряду и с *недобрым волком* русской сказки; сравним две поговорки:

Отольются кошке мышины слезки.

Отольются волку овечьи слезы.

Здесь же можно было бы упомянуть и о 'курице', безвинной жертве 'орла' (и 'ворона'; что традиционно одно, или почти одно и то же). Тем самым общее в этих поговорках будет отношение: *жертва божеству* – само божество (страшное, опасное для человека и несущее смерть, т.е. карающее; требующее человеческих жертв, или их заместителей – *кур, овец, агнцев, мышей*).

Как видим, перечисление в скобках (жертв) не получилось. Как не получится оно, если в один ряд с *волком* и *вороном* (= *орлом*) поставить – вместо *кота* – *кошку*.

Если 'волку' и 'орлу' требуется 'кровь' (живое, полное силы жизни), то 'ворон' довольствуется 'падалью', 'мертвечиной', а 'кот' и 'кошка' (и мифическая 'хозяйка кошек') – 'мертвым человеческим, умершим в свое время и своей смертью'. 'Волку' нужно 'женское продуктивное' (*овца*), а 'кошке' – 'женское мертвое' (*мышь*).

Вот с каким сложнейшим комплексом представлений древних славян мы столкнулись, анализируя поговорки, на первый взгляд взаимозаменяемые в народной речи. К сожалению, здесь нет ни времени, ни места, чтобы разобраться в этом сложном и очень интересном вопросе, поэтому материал дан для иллюстрации.

А разрешение его в буквальном смысле находится «на конце иглы» в мифическом «яйце Кашеевой смерти», ибо в парадоксальном равенстве «Кошчей» = «Кот-медный лоб» = «Волк-медный лоб» = «Змей-Горыныч» и др. таится эта разгадка. И в таинственной «Хозяйке кошек» (хозяйке леса, хозяйке зверей и птиц, *Василисе Премудрой*), которая в русской сказке странным образом связана с «*рыскающей по белу свету ягой*».

При этом глагол *рыскать* есть действие, традиционно присущее волку, а сама лексема этимологически связана со словом *рысь* и сказочной *Арысью* – реальной некогда речной *камышовой кошкой*, а также *лесной девой-русалкой*, живущей на дереве. На наш взгляд, как следствие лингвосемантического анализа фольклорных текстов и верований разных традиций, именно она и являлась *нечеловеческой смертью* – *хозяйкой зверей и птиц*, а главное – мифической *хозяйкой кошек (лесных, диких, речных, живущих под мельницей в омуте, и домашних, безобразничающих в доме корогушей, либо карагушей)*.

Не меньшую загадку для исследователей составляют и так называемые «детские песенки» европейских фольклоров, где – от восточных славян до жителей скалистого Альбиона – все поют детям *колыбельные о мышатах и кошках, котках-«воркотах»* и таинственных *тихих «угомонах»*, которые могут укачать дитя, погрузив в добрый благодатный сон, на радость матери, а могут усыпить навечно, погрузив в смертный сон – утащить, унести, увлечь обманом неразумное дитя.

И трудно сказать – забавные эти песенки или страшные? Наверное, больше второе, потому что моделируют они всегда и везде страшное и опасное ‘пространство смерти’, к которому еще относится младенец, не успевший расстаться с *миром мертвых (с материнской утробой – из которых совсем недавно явился в мир живых)*. Потому что, от него, мира мертвых, и нужно матери оберечь своего младенца, чтобы не забрали его обратно мертвые предки; ну, совсем по пословице: *Бог дал, Бог и взял!*

Abstract

The mouse in the folklore tradition of Eastern Slavs

The article discusses the semantics of a number of metasigns (mouse, cat, tomcat, lynx etc.) of the folklore of Eastern Slavs in the mythological context of traditional beliefs and texts. Examples of proverbs, folk fortune telling and fairy tales are given as illustrations.

Keywords:

semiotics and semantics, folklore language of Eastern Slavs, mythological context, mouse, cat, tomcat, lynx

Abstrakt

Mysz w tradycji folklorystycznej Słowian wschodnich

W artykule omawiana jest semantyka szeregu metaznaków (mysz, kot, kocur, ryś i in.) folkloru Słowian wschodnich w mitologicznym kontekście tradycyjnych wierzeń i tekstów. W celu ilustracji przytoczane są przykładowe przysłowia, ludowe wróżby oraz bajki.

Słowa kluczowe:

semiotyka i semantyka, język folkloru Słowian wschodnich, kontekst mitologiczny, mysz, kot, kocur, ryś